Владимир КОРНИЛОВ (г.Братск Иркутской обл.) **КОЛЬКА ЖМЫХ**

I

В деревеньке нашей, утопающей летом в зарослях черемухи и сирени, состоящей в основном из коренных русских жителей, во время последней и самой страшной из всех войн, когда-либо выпадавших на долю человечества, осело немало разноплемённого люда, бежавшего на Урал, и далее на восток, от неминучей смерти.

Так, по рассказам моей бабушки Ефросиньи, у нас в Рождественке наряду с другими эвакуированными во время войны прибился одинокий, похожий на подранка, мальчуган. Это был худенький русоволосый подросток с испуганными глазами, наполненными до краёв слезами и горем. Деревенские жители сочувственно, по-отечески, относились к страданиям беженцев, многие из которых поселились в их семьях. Помогли на первых порах с одеждой, обогрели их своим душевным теплом и приветом, разделили между собой кров и последний кусок хлеба.

Приютили и Кольку – так звали двенадцатилетнего сироту-горемыку, потерявшего во время одной из бомбёжек своих родителей. Дел и забот в эту грозную пору хватало на всех с лихвой. Кольку поначалу по решению колхозного собрания направили на уборку урожая. И он, согретый сочувствием и вниманием старших, старался ответить им на это своим честным, по мере мальчишеских сил, трудом… Из поручаемых ему заданий больше всего любил Колька сопровождать груженые овощами или другим, не менее ценным по тем временам, грузом подводы, направляемые в районный центр для сдачи государству. В дороге мальчуган ласково понукал изможденных работой лошадей. Никогда не позволял себе хлестнуть их кнутом или гибкой лозиной. Знал норов и клички каждой. И умные животные в знак благодарности терпеливо сносили свои непосильные тяготы.

Председатель колхоза Анна Васильевна Ступина, приметив однажды такое радение и любовь мальчика к животным, доверила ему вместе с вернувшимся с войны инвалидом Михеем Гориным пасти общественный скот, сопровождать лошадей в ночное. Так и прижился Колька при конном дворе, совмещая в себе обязанности «ночного директора» и младшего конюха. Ночью он сторожил лошадей, охранял от разора колхозные корма и постройки…

Сны у него были всегда короткими и тревожными. Они приходили к нему из той жуткой жизни, когда погибли его родители, со вселенскими грозами и пожарами, сметающими на своем пути все живое. От страха Колька вздрагивал и в ужасе просыпался.

Незадолго до его пробуждения, как всегда по утрам, Михеев петух

уже успевал оповестить деревню

своим заливистым пением о новом зарождающемся дне.

А в это время занимающийся в окнах рассвет уже сулил мальчишке нескончаемые на весь день хлопоты…Продрогшие за ночь в своих стойлах кони незлобливо всхрапывали, стучали копытами о деревянные настилы пола. И он, наскоро одевшись и

сполоснув лицо студёной колодезной водой,

принимался

за свои нехитрые крестьянские обязанности. Входил в конюшню, оглядывал похрапывающих лошадей, осматривал капканы на крыс, которые в последнее время несчётно развелись на колхозном подворье и, перебегая стаями по конюшне, пугали мирных животных. Успокоенные его появлением кони приветствовали друга радостным ржанием, тянули к нему свои теплые влажные губы… Колька ласково оглаживал каждую из приветствующих его лошадей, разговаривал с ними, внося в их быт спокойствие и умиротворение…Воздух конюшни, наполненный ночным дыханием животных и смешанный со струящимися запахами конского навоза и пота, остро проникал в его ноздри, словно едким нашатырём высекал из глаз слезы. Но эти терпкие деревенские запахи не вызывали у Кольки отвращения и неприязни. Без лишней спешки и суеты выполнял он привычную работу. Носил со двора корм, доставал из колодца воду, поил лошадей, чистил конюшню, натаскивал свежую для настила солому… Управившись с беспокойным хозяйством, Колька запрягал своего любимца Гнедого в кошёвку и по заснеженным зимним улицам объезжал все подворья, оповещая колхозников о предстоящем собрании или вручая кому-либо из взрослых парней повестку о призыве в армию…

Сверстники уважали Кольку за его самостоятельность, за бесхитростный, щедрый характер. Перед ними он никогда не задавался, разъезжая с поручениями по деревне в разукрашенной председателевой кошёвке. Несмотря на свое сиротство, он не озлобился на жизнь, а оставался добрым и отзывчивым подростком, готовым в любую минуту прийти на помощь… Но, как говорится в пословице: «В семье – не без урода», – так и в нашей Рождественке не всем была по нутру эта Колькина самостийность. Особенно невзлюбил его тринадцатилетний Шваня (так звали первого забияку и драчуна Шевцова Ваньку за не сходящие с его лица ссадины и шрамы). Шваня буквально не давал мальчишке прохода, постоянно при встрече оскорблял его, обзывал Жмыхом, укорял в жадности и рвении перед начальством только за то, что Колька не давал растаскивать по ночам с колхозного двора собранный урожай овощей и подсолнечника, за которые Анна Васильевна строго с него спрашивала. Особым дефицитом и лакомством для деревенской ребятни считался

в то голодное время подсолнечный жмых, привозимый из райцентра для поддержания ослабленного после болезни и отёла скота. Невзирая на приказ председателя, вменившей с самого начала подростку охрану колхозного подворья, Колька всё же на свой страх и риск

в редких, лишь в исключительных случаях, позволял кому-либо из сверстников, крадучись от Анны Васильевны, взять несколько плиток жмыха для поправки больного

братика или сестрёнки.

Нелегко жилось деревеньке в эти ужасные годы. Все чаще слышался в избах неутешный, раздирающий душу плач, означающий, что опять в чью-то мирную жизнь похоронкой ворвалось горе или вернулся с фронта искалеченный до неузнаваемости единственный в семье кормилец.

Вдов в Рождественке к окончанию войны было чуть ли не полдеревни. Но сельчане, сплоченные одной общей бедой, помогали друг другу пережить это лихое, никаким высшим разумом не оправданное по своей жестокости время…

Не остался безучастным к людскому горю, – отгородившись от всех высоким заплотом, – и Колька Жмых. За два с лишним года, как очутился он в Рождественке, вырванный огненным смерчем из родного гнездовья, Колька заметно подрос и окреп. Ежедневная, изнуряющая крестьянская работа не сломила подростка, а закалила характер, влила в его мышцы молодую, не знающую устали силу. Это был уже рослый, красивый юноша с густой шевелюрой русых волос, из-под которой всегда приветливо смотрели на всех синие, с потаённой грустью, глаза.

Одряхлевшие старушки и многодетные вдовы часто обращались к нему с просьбами – подсобить им по хозяйству. И Колька, управившись со своими делами и отпросившись у Анны Васильевны, спешил на помощь. Латал и чинил прохудившиеся от времени крыши, пилил дрова, косил сено, копал подоспевший к уборке картофель… За безотказный характер деревенька любила своего приёмыша.

Оказывали пареньку внимание и созревшие к этой поре Рождественские невесты. В редкие свободные минуты не прекращающейся четырёхлетней страды они умели подчиниться охватившему их внезапному веселию, выразить в стремительных плясках и песнях ту неистребимую на Руси веру в силу молодости и нескончаемости жизни... И К олька, изредка бывая по их приглашениям на вечеринках, чувствовал себя в эти минуты особенно счастливым и сильным, готовым свернуть любые горы, которые могли бы встать

на его пути и посмели бы застить счастье деревеньки.

Так и случилось однажды. На седьмое ноября после окончания уборки урожая правление колхоза решило устроить в клубе торжественный вечер, посвященный 27-ой годовщине Октября с вручением скромных подарков и грамот от райцентра лучшим работникам, добившимся во время страды высоких результатов. Событие это отмечали всем миром. Не часто выпадали на долю селян такие передышки, когда можно было выпрямить в полный рост согбенную спину, стряхнуть с себя стопудовую усталость и, игриво развернув плечи и стан, кинуться в стремительный пляс или, настроившись душой на родное и близкое, исстрадавшимся сердцем затянуть песню о русской доле.

И вот в самый разгар гуляния на клубном крыльце, где покуривали после жарких танцев парни и стоял, слушая их разговоры, Колька, появился в расстегнутом полушубке и съехавшей набекрень шапке подвыпивший Шваня. Легкий озноб пробежал по спинам ребят. Все хорошо знали, каким страшным и задиристым бывает этот пьяный верзила, на голову возвышающийся над своими сверстниками.

А Шваня тем временем, обведя мутным взором испуганных ребят и выбрав для очередного скандала подходящий объект, шумно навалился с кулаками на сгрудившуюся толпу, которая под его дерзким натиском враз схлынула с крыльца и кинулась врассыпную. И только взволнованный постыдным бегством парней один Колька оставался стоять на месте, до конца еще не понимая, что может на сей раз выкинуть озверевший подонок,

чем может завершиться для него этот угрожающий жест огромных Шваниных кулаков… А тот, не знающий никогда противления своей силе, дыша в лицо Кольки самогонным перегаром, всей тяжестью пьяного тела наваливался на юношу,

пытался схватить за грудки и бросить его с крыльца оземь. Но Колька успел опередить этот, оскорбляющий мужское достоинство, жест – и первым со всего размаха нанёс удар в челюсть ненавистному Шване. В воздухе что-то хрустнуло и верзила, охнув, начал грузно оседать на ступени, пытаясь еще по инерции ослабевшими руками достать обидчика. Но тело и ноги уже не слушались своего грозного хозяина, а лишь судорожно загребали под себя снег.

В это время в клубе, узнав о случившемся, селяне с тревогой высыпали на крыльцо. Но никто, даже Анна Васильевна, не пытались прийти Шване на помощь. Слишком много зла и обид принес он жителям Рождественки, постоянно задирая и калеча ребят,

оскорбляя все эти годы беззащитных девчат и женщин. Люди понимали, что со стороны Кольки это было справедливым возмездием за все пролитые им ранее сиротские слезы. Навряд ли посмеет теперь этот посрамлённый принародно громила поднять на кого-либо руку: ибо вырос в деревеньке свой заступник и опора для слабых –

Колька Жмых.

II

Откуролесила, отплясала последними метелями лютая зима 1945-го. Весна наступила ранняя и, как никогда, дружная, В начале марта ноздреватые сугробы под ярким огнистым небом почернели и завалились набок. В оврагах и низинах быстро накапливалась талая, звенящая по-вешнему ручьями и напоенная хмелем весеннего солнца, студёная вода… Всё оживало вокруг и вносило в людские души затаённый трепет и надежду на возрождение утраченных за долгие годы войны дней мирной жизни. Обезумевшая стихия со своей смертельной жутью всё дальше откатывалась от наших отчих границ… И люди, окрыленные успехами на фронтах советских войск, все чаще и пристальнее вглядывались в изможденные лица возвращающихся домой после ранения солдат, надеясь в ком-либо из них опознать сквозь прищур заслезившихся глаз эту нечаянную и долгожданную радость встречи с мужем или единственным кормильцем, оставшимся в живых у состарившихся от непосильного в это лихое время нечеловеческого труда родителей.

Ждали этой весной возвращения своих и жители Рождественки. На обветренных после сошедшего снега, едва просохших прогалинах и взгорках, по вечерам на голос гармони собиралась молодежь. Девушки и ребята после изнуряющей за день крестьянской работы, заслышав песню, словно обретали второе дыхание. Наспех перекусив и принарядившись, они с радостью летели по раскисшим от вешнего половодья улицам к излюбленным местам навстречу чарующим мелодиям, – распахнув свои исстрадавшиеся от тяжкой жизни юношеские сердца.

К этому времени заметно окреп и стал уже смахивать своей рослой статью на взрослых, подлежащих призыву в армию парней, и Колька Жмых. После одержанной над Шваней победы юноша чувствовал себя уверенней и уже не боялся быть застигнутым врасплох своим прежним обидчиком.

А Шваня, сломленный принародно позором непредвиденного, постыдного поражения, с той самой минуты словно сломался изнутри, утратил свой боевой петушиный пыл. Он редко появлялся в клубе и других людных местах, но всегда был один, без сопровождающей его многочисленной трусливой свиты.

Это еще более снискало Кольке уважение среди жителей деревеньки и вызвало искренние к нему симпатии даже самых привередливых местных красавиц… В ту весну в расцветающей непорочной душе паренька ярко раскрылся самобытный талант гармониста. В совершенстве освоив единственную из сохранившихся в клубе музыкальных инструментов, старенькую гармонь, Колька со всей страстью отдался этой пленительной стихии, играя в свободные вечера на заливистой тульской двухрядке. И она, чувствуя его умелые, ловкие руки, словно выговаривала своим трепетным сердцем полюбившиеся селянам наигрыши и песни. Слаженно и задушевно звучали в вечернем воздухе голоса ребят, объединённые одной общей русской душой, способной даже в лихие годины так страстно откликаться на все радостные и трагические проявления жизни.

Особенно чистым голосом, поднимающим песню до самых ангельских высот, славилась Даша Малинина – хрупкая белокурая красавица с вечно сияющими в улыбке ямочками щёк и с голубыми, как само пасхальное небо, глазами. Её-то и заприметил однажды своим вызванивающим шестнадцатую весну сердцем Колька Жмых. С того дня оно стало напоминать ему о себе тихими, грустными вздохами, легкой, подрагивающей в груди болью. Но это ничуть не огорчало Кольку, а наполняло его душу каким-то таинственным, доселе неизведанным чувством, объяснения которому он не знал, а лишь смутно догадывался…

Стремительно летели дни, приближаясь к вешней страде. Природа, набухая почками и наливаясь неистребимыми соками жизни, заметно обновлялась. Вербы, обласканные лучами солнца, позванивали на ветру распустившимися серебристыми серёжками. Словно Христовы невесты, овеянные легкой весенней дымкой, вырядились они в парчовые платья к Вербному Воскресенью.

Повеселел в эти дни и Колька, замечая на себе при встрече с Дарьей потаённые взгляды ее ласковых васильковых глаз… Робко зарождалось в их душах несказанно светлое и глубокое чувство. Все чаще искали они предлог, чтобы хоть на минутку, ненароком где-нибудь встретиться и вновь убедиться истосковавшимися сердцами в том, что нет выше на земле счастья, чем видеть осиянные любовью друг к другу глаза.

Но время настало горячее. Всем миром готовились селяне к посевной. Прибавилось хлопот и у Кольки. Тракторов для вспашки полей не было. С самого начала войны весь подвижной состав колхозных машин, кроме сеялок и прочего инвентаря, забрали на действующие фронты… А вспашку земли проводили на исхудавших, еле переставляющих ноги, быках и лошадёнках, вместе с которыми зачастую впрягались и женщины. Поэтому Колька заранее готовился к этой ответственной поре. Старательно холил за зиму подопечных ему питомцев, чинил к весне их конскую упряжь, помогал кузнецу ремонтировать изношенные плуги, подковывать своих четвероногих друзей. Особенно бережно ухаживал он за ослабевшими от непосильной работы лошадьми. Подкармливал их жмыхом и остатками сбережённого для подобных случаев сена, поил теплой, настоянной на ржаных отрубях водой, вместе с ветеринаром делал им прививки от болезней. И благодарные животные, поправившись к весне, вновь становились в свой «копытно-гвардейский» строй и безропотно тянули лямку на этом трудовом фронте…

А закуражившая весна брала свое, – отпущенное ей недолгое хмельное счастье. Дни заметно прибавили в силе. На засеянных пашнях появились дружные всходы. Зазеленела, преобразилась по-праздничному земля. Зашелестели, засветились на солнце своей молодой, прозрачно-дымчатой листвой берёзки… Воздух, напоенный еще не сошедшими в падях талыми водами и уже напитавшийся тонкими запахами зацветающей черёмухи, пьянил и дурманил своим весенним хмелем сердца… Бередил он души и Дарьи с Колькой. Снова по вечерам заговорила гармонь. И Дашино сердце, чуя этот давно запавший ей в душу голос, птицей летело к их заповедному под раскидистым шатром черёмухи месту… Сладкими поцелуями осыпал юноша на свиданиях свою возлюбленную. Больше всего на свете боялся он, что каждая такая встреча с Дарьей может быть для него последней: вдруг по чьему-то злому умыслу оборвется их так внезапно начавшееся счастье. И Колька, трепетно обнимая свою единственную за г оды сиротства радость, – нежно

шептал

ей самые ласковые, самые заветные слова, выстраданные его юношеским сердцем за долгие дни разлуки.